

ОТ РЕДАКЦИИ

Статьи сборника основаны на докладах, прочитанных на Зографских чтениях в последние годы. В первом разделе «Проблемы интерпретации традиционного индийского текста», заглавие которого воспроизводит многолетнюю общую тему чтений, порядок следования статей строится в основном по хронологическому принципу (от самой глубокой древности — к современности). Исключением не является и самая первая статья — *М.Ф. Альбедиль* «О символическом языке вещей», ведь в ней в немалой мере используется материал древнейшей Индской (Хараппской) цивилизации (середина III — начало II тыс. до н.э.). Но эта статья по своему характеру и основному содержанию общетеоретическая, она дает наконец развернутое обоснование давно уже предпринятому нами расширению понятия традиционного индийского текста за пределы письменных памятников и устного фольклора и распространению его на всякого рода невербальные тексты, например структуру обрядов или артефакты, т.е. изделия, вещи, говорящие своим, особым языком.

В статье *Ю.Е. Березкина* на фоне новейших данных археологии, палеоботаники и лингвистики о морских контактах с середины II тыс. до н.э. до середины I тыс. н.э. между Южной и Юго-Восточной Азией, с одной стороны, и Африкой южнее Сахары — с другой, рассматриваются некоторые мотивы африканского фольклора, которые с большой долей вероятности можно считать заимствованными из Южной и Юго-Восточной Азии именно в этот период. Можно было бы даже удревнить начало этого периода контактов, поскольку первое появление африканских культурных растений в Индии (в Панджабе) приходится на последние века Хараппской цивилизации (около 2000 г. до н.э.; см.: [Fuller и др. 2012: 546, fig. 1]).

Статья *Н.А. Корнеевой* замечательна тем, что, с одной стороны, она основана на материалах недавно проведенного полевого исследования в деревне брахманов намбудури в южноиндийском штате Керала, а с другой стороны, описываемый автором двенадцатидневный ведийский обряд совершается почти точно так же, как он совершался три или две с половиной тысячи лет назад. Исключение составляет именно та деталь, которой в основном и посвящена ста-

ть: жертвенных козлов в ритуале замещают свертки из листьев банана с рисовой пастой внутри (практика, обоснованная некоторыми брахманами-ритуалистами еще в Средние века).

Великой индийской эпопее «Махабхарата» в ее философском аспекте посвящена статья *Нины Будзишевской* (Budziszewska) из Вроцлавского университета (Польша). В ней анализируются довольно трудные для перевода и интерпретации, до сих пор недостаточно изученные тексты из «Мокшадхармы» — философского раздела в XII книге эпопеи. Главным объектом исследования является термин *будхьямана*, обозначающий 25-й принцип в системе *таттв*, т.е. элементов психокосма, исчисляемых, по учениям санкхьи и йоги, в порядке восхождения от грубых первоэлементов с их специфическими свойствами ко все более тонким уровням материи и сознания. «Двадцать пятый» все еще относится к *пракриту* (первоматерии), но он в то же время *будхьямана*, т.е. «пробуждающий/познающий», и способен освободиться, осознав свое тождество с «Двадцать шестым»: трансцендентным, чистым и обособленным от мира материи Ишварой (Богом). Аргументированная позиция Н. Будзишевской противостоит доминирующим взглядам на санкхью и йогу как исходно не связанные друг с другом атеистические учения. По данным «Мокшадхармы» они оказываются двумя аспектами одного учения — санкхья-йоги, в эпический период определено теистической.

Калининградский индолог *А.А. Игнатьев*, известный своими переводами и исследованиями шактистских пуран, в статье «Жемчужный остров в “Девихагавата-пуране”» анализирует описание в этом средневековом тексте высшей обители богини (Деви, Бхуванешвари), отмечая как его интертекстуальные связи в рамках санскритской литературы (с описанием Шветадвипы — «Белого острова» Вишну в «Нараянии» из «Махабхараты», другими пуранами), так и типологические параллели, предоставляемые описаниями всякого рода «островов блаженных» и райских миров в мифологии других народов мира.

Аудрюс Бейнорюс (Центр востоковедения Вильнюсского университета) в статье «Лунные созвездия (накшатры) и традиция наречения имени в Древней Индии» рассматривает, в основном по данным *грихьясутр* — санскритских руководств по совершению домашних

обрядов, практику наречения ребенка в момент рождения или в ходе обряда посвящения тайным именем по названию созвездия лунного зодиака. Практика эта была усвоена ведийской традицией довольно поздно: автор солидаризируется с А. Парполой в предположении, что сама система лунного зодиака была заимствована ведийскими индоариями из неведийского, возможно, доарийского источника. В статье также описывается комплекс присущих ведийской и последующей индийской культуре представлений о магической силе сакрального звука и слова, в силу чего принятие индивидуумом тайного «звездного» имени мыслилось способствующим успеху в жизни и придающим ей особый смысл.

В статье *Н.А. Канаевой* методу классификации наук, принятому в европейской традиции и основанному на «внутрисистемных признаках знания» (таких как предмет, объект и метод), противопоставляется практика классификаций наук в текстах традиционной индийской культуры, основанная на соотносительности разных наук с традиционными социальными практиками и «инструменталистском понимании знания». Перечни наук в индийских традиционных текстах «не являются логически правильными классификациями, да и вообще проблема строгого упорядочивания наук в рассмотренных первоисточниках не ставится». Правда, составление этих перечней относится главным образом к «доэпистемологическому периоду истории индийской культуры». Что же касается классических религиозно-философских учений, то в их логико-эпистемологических разделах мы находим, как сказано в статье, классификацию не наук, а типов знания в зависимости от используемых ими познавательных способностей, а также по истинности и ложности.

О.А. Волошина в статье «Грамматика Панини в контексте древнеиндийской культуры», развивая высказанную в свое время Т.Я. Елизаренковой и В.Н. Топоровым мысль о «поразительном сходстве операций, совершаемых грамматиком, с тем, что делает жрец», демонстрирует на других примерах глубокую вовлеченность деятельности Панини как грамматиста в мифоритуальную культуру ведийской традиции. Она раскрывает параллели между методом работы Панини и искусством ведийского риши, создателя гимнов «Ригведы», а также вообще искусством создателя любого индий-

ского сакрального текста. В обоих случаях новосозданный текст «обладает своеобразной *перекрестной структурой*, т.е. предполагает не только линейное (горизонтальное) развертывание текста, но и вертикальные, глубинные связи, обеспечивающие корреспонденцию рассматриваемого текста с другими». Роднит грамматику Панини с ведийскими гимнами также *многократное кодирование содержания* на различных уровнях. Обнаруживает О.А. Волошина в «Аштадхьяйи» и характерную для сакральных текстов *композицию*, в частности помещающую наиболее существенные элементы содержания (в случае Панини это правила синтеза словоформ из морфем) в самую сердцевину текста. В заключение статьи О.А. Волошина предлагает видеть назначение грамматики Панини в том, что в ней зафиксирован «алгоритм кодирования сакрального смысла, рецепт создания сакрального текста».

В статье *Е.П. Островской* обосновывается принципиально новый взгляд на знаменитую «Энциклопедию Абхидхармы». Если до сих пор исследователи пытались по текстам собственно «Абхидхармакоши» (“*Abhidharmakośa-kārikā*”) и комментария к ней (“*Abhidharmakośa-bhāṣya*”) реконструировать биографию и мировоззрение Васубандху как индивидуального автора и конкретно-исторической личности, то Е.П. Островская применяет к изучаемому тексту концепцию «символического авторства» С.Д. Серебряного. Перспективным новшеством является ее предположение о том, что «Абхидхармакоша» и комментарий к ней первоначально являлись «речевыми произведениями», передававшимися устно, как и большинство религиозно-философских текстов индийской традиции. Эти тексты, освященные «авторитетом Васубандху как легендарного буддийского просветителя», были затем преданы записи и, вероятно, прошли через этап коллективной редактуры со стороны последователей данной школы.

С.Л. Бурмистров посвятил свою статью сходству в представлениях о языке, характерных для европейских романтиков и ведантистов. И тем и другим свойственно магическое отношение к слову как субституту физической реальности, которое особенно ярко проявляется в поэтической речи. Автор подчеркивает, что в учении видного ведантиста Бхартрихари (V в.) роль слова как силы, творящей мир, подверглась глубокой философской рефлексии. Подобное сходство

во взглядах на язык С.Л. Бурмистров считает неслучайным, объясняя его генетическими связями индийской и западной поэтических традиций, восходящих к эпохе индоевропейской языковой общности. И европейские романтики, и ведантисты восприняли от этого периода понимание поэтического искусства как пассивного восприятия и выражения воли надчеловеческих сверхъестественных сил через ряд звеньев, в каждом из которых оно переосмысливалось и приобретало новые черты.

В статье *М.Б. Павловой* рассматривается литературная традиция тамильского бхакти, которое развивалось в VI–XII вв. на юге Индии в виде двух направлений, вишнуитского у *альваров*, и шиваитского у *наянаров*. Поэзия наянаров, огромный комплекс текстов, изучена вне Индии гораздо меньше. Восполняя этот пробел, автор уделяет основное внимание сборнику гимнов «Деварам», который составляет ядро священного шиваитского канона. В него вошли гимны, приписываемые трем поэтам-святым — Самбандару, Аппару и Сундарару (предположительно VII и VIII вв.). Самобытная форма этих гимнов — *надигам* — характеризуется четкой формальной структурой, которая складывалась под влиянием тамильской поэтики санги, ведийских гимнов и пуранической традиции. Наиболее последовательно этой формы придерживался Самбандар, у других поэтов встречаются отклонения от нее. По предположению М.Б. Павловой, наянары выработали жесткие формальные признаки гимна как своеобразную схему для внешнего оформления экстатического «потока сознания» при созерцании ими образа Шивы.

Статья *П.В. Хрущевой* посвящена персонификациям женской энергии, которые выявляются на материале тамильских письменных источников начиная с самых ранних, древнетамильской поэзии санги. Основное понятие для обозначения этой энергии — *анангу*, этически нейтральная сакральная сила, присущая не только людям, божествам и животным, но и различным объектам и пространственным областям, под этим же именем известна и богиня. Автор прослеживает, как в последующие периоды древнетамильская богиня Анангу или Коттравей ассоциируется с Дургой, супругой Шивы, и приобретает новые черты. На ее образ влияли и пуранические божества, с нею соотносились классические индуистские сюжеты. В период бхакти богиня была оттеснена на второй план, но с XIII в.

под покровительством политической элиты возрождается популярность ее культа, о чем свидетельствует интенсивное строительство храмов, посвященных богине.

В статье *А.В. Зорина* содержится описание и перевод гимна одиннадцатиликому Авалокитешваре Гаганарадже, приписываемого тибетскому царю Сонгцэн-гампо. Этот гимн, входящий в состав пекинского издания сборника «Сунгдуй» (с 1674 г.), автор относит к традиции таких апокрифов, как «Качем каколма» и «Мани-кабум» (XII–XIV вв.). В гимне описана малоизвестная особая форма Одиннадцатиликого Авалокитешвары, именуемого в более поздних сборниках садхан Авалокитой Гаганараджей. По мнению А.В. Зорина, эту форму можно считать трансформацией более известной формы божества — Одиннадцатиликого Авалокитешвары в традиции Лакшми. Заметное отличие между этими двумя формами автор видит в расположении их одиннадцати ликов, соотносящихся с пятью головами, расположенными одна над другой. Гимн Авалокитешваре представляет собой стандартный буддийский тантрический текст, созданный, как предполагает автор статьи, не позже XV в.

В.Н. Мазурина описывает образ Локешвары («Владыки мира») в календарных обрядах непальцев. Известного под многими именами, его почитают все жители долины Катманду, как буддисты, так и индуисты. Он особенно популярен у неваров, потомков первых насельников долины. Локешваре поклоняются прежде всего как богу, дарующему дождь. Календарный цикл начинается в зимний период обрядами, посвященными Белому Маччхендранатху/Локешвару. Главным праздником года В.Н. Мазурина считает ритуальное омоложение, новое рождение божества с исполнением всех необходимых обрядов. Календарный цикл включает в себя, помимо омовений пуджи, церемонии с сосудами, выезды колесниц и другие храмовые ритуалы с участием жрецов. Автор утверждает, что календарный цикл обрядов, связанный с Маччхендранатхом/Локешварой, иллюстрирует взаимовлияние и взаимопроникновение индуизма и буддизма в Непале.

Статья *Т.А. Зиминной* основана на материалах исторической этнографии и полевых наблюдений, собранных автором у веддов, автохтонного населения Шри Ланки. Выбранную тему автор считает важной, потому что представления о духах умерших лежат в основе

миропонимания этого этноса. Т.А. Зимина выделяет разные категории духов умерших: духи только своих родственников, пожилых женщин, младенцев, индивидуализированные духи и т.п. Невидимые для людей, они населяют окружающий мир. Основная функция этих духов — защищать живых людей и их имущество от всевозможных бед, сохранять их благополучие, но они могут быть и вредоносными. В ритуально-магической практике веддов, по наблюдениям автора, известны обряды умилоствления духов умерших, совершаемые накануне охоты, сбора меда и других важных дел.

И.Ю. Котин в своей статье обращается к произведениям канадского писателя индийского происхождения Рохинтона Мистри, одного из ведущих авторов индоанглийской литературы. Тема жизни парсов в Бомбее — главная в его романах «Столь долгое путешествие» и «Дела семейные». Автор отмечает, что парсы, относившиеся при англичанах к наиболее богатым, просвещенным и влиятельным слоям населения Бомбея, в независимой Индии постепенно теряют свое лидирующее положение в экономике и политике города. Одной из виновниц происшедшего автор романа считает Индиру Ганди, в то время премьер-министра Индии. Выдержки из романов, приведенные в статье, подкрепляют вывод И.Ю. Котина о том, что в анализируемых произведениях тема парсов в Бомбее разработана подробно и, возможно, исчерпана.

Пензенский индолог *Т.Г. Скороходова* посвятила свою статью феномену открытия индийскими интеллектуалами родной страны. Автор утверждает, что этот феномен был вызван к жизни необходимостью создания определенного образа Индии и вписывания этого образа в современный мир. Первыми в этом процессе стали бенгальцы, положившие начало эпохе национально-культурного ренессанса. Автор использует подход «двойного зрения»: бенгальские интеллектуалы неортодоксально смотрят на свое общество изнутри, но в то же время способны воспринимать его извне, глазами европейцев. Т.Г. Скороходова считает одним из главных путей открытия Индии ее восприятие и описание сквозь призму традиционного текста. Страна в этом случае оказалась идеальным образом, средоточием духовных и социальных ценностей, на фоне которого высветились реальные проблемы.

Три статьи, заключающие сборник, посвящены одной теме: раннему периоду европейской колонизации на Шри Ланке и в Индии, который был отмечен столкновением и противостоянием европейской и традиционных южноазиатских культур.

В статье *Н.Г. Краснодембской* и *Е.С. Соболевой* рассматривается португальский период на Шри Ланке (1505–1658). Он был здесь короче, чем в Индии, и завершился капитуляцией португальских войск. На убедительных примерах авторы показывают, что за это время португальцы заняли прочное место в системе азиатской торговли, включившись в разветвленную сеть морских торговых путей и захватив ключевые порты. В их распоряжении был мощный флот, оснащенный современной артиллерией. Португальцы умело использовали этнополитическую разобщенность на острове, натравливая местных властителей друг на друга. По мнению *Н.Г. Краснодембской* и *Е.С. Соболевой*, португальцы усиливали свои позиции на острове и за счет христианизации местного населения, которым активно занимались католические миссионеры. Христианизация была особенно успешной среди низших каст, получавших за это привилегии. Несмотря на сравнительно короткое португальское присутствие на Шри Ланке, его общее влияние было огромным.

В.В. Донских посвятил свою статью книгоиздательской деятельности, связанной с распространением христианства в Индии. Народы Индии, имевшие вековые традиционные средства и способы хранения и передачи священных знаний, оказывали противодействие западному книгопечатанию, считая его чужеродным и неприемлемым для себя. Несмотря на неприятие местного населения, миссионеры-иезуиты смогли добиться определенных успехов, в результате которых в Индии появилась первопечатная христианская книга. Автор статьи изучил исторические документы, каталоги, указатели, выявил библиографические сведения об индийских книгах Общества Иисуса и составил ретроспективный библиографический указатель первопечатной книги Ордена иезуитов в Индии XVI–XVII вв. В результате ему удалось воссоздать первопечатный книжный репертуар Общества Иисуса на всей территории Португальской Индии, который и представлен в статье.

Резко выделяется на фоне не только колонизаторов-завоевателей и католических миссионеров, но и даже большинства первых ев-

ропейских ученых-индологов эпохи Просвещения фигура Герасима Степановича Лебедева (1749–1817) — первого русского индолога, музыканта, композитора и этномузыколога, основателя первого индийского национального театра. Ему посвящена статья *Я.В. Василькова*. В культурном противостоянии индийцев и британской элиты города Калькутты Г.С. Лебедев встал на сторону своих индийских друзей. В статье впервые выявлен не привлекавший ранее внимания эпизод в тексте пьесы «Притворство», который, несомненно, представлял собой резкий антиколониальный выпад и именно так был воспринят присутствовавшими на спектакле европейцами. Автор статьи показывает, что именно это явилось причиной жестокого преследования Лебедева колониальными властями, в результате чего «Бенгальский театр» перестал существовать, а русский ученый, его создатель, вынужден был покинуть Индию.

Все статьи сборника, который можно рассматривать как определенный этап в развитии отечественной науки, отличаются всесторонней проработанностью исследуемого материала. Они представляют известную ценность и с методологической точки зрения, представляя собой школу мастерства для молодого поколения ученых. Хочется надеяться, что публикация сборника окажется небесполезной как для специалистов — филологов, историков, философов, этнографов, религиоведов, так и для широкого круга читателей, интересующихся культурой Индии.

М.Ф. Альбедиль, Я.В. Васильков